

Девушка с глазами Герды

18+

НАТАЛЬЯ ШЕМЕТ

Наталья Шемет

Девушка с глазами Герды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42678853

SelfPub; 2019

Аннотация

С самого детства Кай был для нее всем. Она умела любить только так. Сильно, жертвенно, отдаваясь до капли. И Герда отправилась искать Кая, когда он исчез. Не задумываясь, надо ли его спасать? Хочет ли он этого? Мистически, странно, страшно переплетутся судьбы Герды, Кая и Амалии. Хотите узнать человека – посмотрите ему в глаза... Любовь, смерть, лед, огонь и розы. Это очень старая сказка, рассказанная на новый лад. Повесть «Девушка с глазами Герды» вошла в сборник «Зеркало души», книгу-лауреат Литературной премии им. Кирилла Туровского (2018). Г. Х. Андерсену – с глубоким почтением.

Содержание

Пролог, он же Часть первая	4
ГЕРДА. ТОГДА И СЕЙЧАС	4
Часть вторая	8
ЗЕРКАЛО ДУШИ	8
Часть третья	24
ДЕВУШКА С ГЛАЗАМИ ГЕРДЫ	24
Сердце охотника	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Пролог, он же Часть первая

ГЕРДА. ТОГДА И СЕЙЧАС

Мы наделяем тех, кто становится для нас единственными,

лучшими чертами, чем у них имеются на самом деле.

Разочаровываться – больно, но необходимо.

Это страшная сказка.

Но самую темную ночь

прогоняет солнечный свет.

Старая сказка на новый лад.

Г. Х. Андерсену – с глубоким почтением

Сложить слово «счастье» из вечности передраассветной,

Писать «лучший друг» лепестками из роз, обрывая

Без жалости куст. Что сильнее влюбленности детской?

Ах, Герда... Да только нет сердца у мальчика Кая.

На снеге слепящем вести тонкой палочкой: «милый»

И ангелов пение слышать в дыхании рядом.

Да черти всю поглумились над юности пылом,

И розы не тронь – оставляют ожоги от яда.

Искать и метаться. В глухой удушающей чаще
Из злобных завистливых глаз заплутать – ну, еще бы...
И с теми бороться, что рвут твоё тело на части.
Не знала ты, Герда, что в людях достаточно злобы?

А Кай улетел... он исчез, испарился и сгинул –
Ни слова любви, ни «прощай», ни «увидимся завтра».
Как сердце болит... собираешь по капелькам силы.
Увидеть, узнать: жив-здоров – в этом вся твоя правда.

Да, снова в дорогу. В кровавый закат. На билете,
Что Герде протянут уж явно недоброй рукою,
Писать аккуратно: «Я знаю, мы больше не дети.
Но все же люблю тебя. Черт с тобой... нет! Бог с тобою».

Брести по камням, по осколкам – по льдинкам, по стеклам
И резать до крови и ступни, и руки, и душу –
Руками с пути убирать ветки хлесткие. Блеклым
Стал сказочный мир. Мальчик Кай... Как же ты все разрушил...

Бродить в страшных снах – наяву. Тщетно. Собственной
плотью

Кормить тех, кто голоден. Резать тупыми ножами

Для страждущих – сердце и мясо, дробить свои кости:
Вдруг будет для Кая кому-то хоть хлеба не жалко?..

И каждое утро из нервов, души, сухожилий
Выкладывать «вечность» – ну может хоть это поможет
И как-то утешит. Но щеки бледней белых лилий.

Ну кто же так любит – всем сердцем, душой всей, всей
кожей!

Идти, не стеляя, без страха к дверям жутким ада,
И с каждым движеньем все ближе... И надо ж, доходит,
Что Герда – такая – совсем никому и не надо.
Всем хочется просто кусочек души или плоти.

А верность и нежность уже не в чести. И любовью
Весь мир этот сыт – так наелся, до рвотных позывов!
А мяса и крови – давай! И побольше! Хоть море!
«О мальчик мой Кай... Так надеюсь, что мы еще живы».

Ты все отдала – может, мало? Ну, есть еще силы?
Давай, соберись. Отдавай еще! Надо ж, как гложет:
А вдруг он поймет, что веревкой – на собственных жи-
лах! –

Со дна океана любовью достать Герда может.

...Дошла! И нашла! Оглянулась направо, налево –

Куда ни взгляни – всюду лед и сияние режет
Больные глаза. Так слезятся. О, глупая дева!
Смотри, вот он. Как... так же юн, и прекрасен, и...
нежен?..

О нет. Взгляд не тот. «Кай, а где Королева? Я долго...
Прости... и пойдем... Ты замерз без тепла и заботы...»
Но кривятся губы любимые в смехе недобром:
«С тобой мне вернуться? Похож ли я на идиота?

Смотри на себя – некрасива. В гноящихся ранах.
Пустые глаза. И колючки репейника в косах!
Фу, Герда. Да что ты. Еще... ты же мне помешала
Сложить слово «нет» из снежинок – вот, льдиниста рос-
сыпь...»

Все выпито-вырвано-отдано... Ради фантазий?!
Три шага назад... Он – не Кай!.. След кровавый на бе-
лом...

Поморщился Кай: «Ты зачем развела столько грязи?
Здесь нет никого.
Это я.
Снежная.
Королева».

Часть вторая

ЗЕРКАЛО ДУШИ

По зеркальной глади замерзшего озера медленно двигалась женская фигурка. Она выглядела совсем маленькой и хрупкой среди ослепительного белого великолепия. И была здесь совершенно чужой.

Герда уходила из дворца.

Нет, она ни разу не обернулась. Понимание того, что все бесполезно, накатило волной, нахлынуло и утопило надежду. Та моментально захлебнулась, не успев даже взмолиться о пощаде. Все напрасно.

Герда спиной ощущала ледяной взгляд Снежной королевы. Кая. Ее Кая.

Она никак не могла поверить, что злой волшебницы не существует. Что никто не похищал, не увозил Кая силой. И в страшном дворце не было никого. Только... Кай.

«Герда, это я – Снежная королева».

Как такое может быть? Сначала Герде хотелось кричать – нет, ты не она, это просто невозможно! Она – ведьма, колдунья, обманщица, и силой магии унесла, увлекла милого, теплого, доброго мальчика, которого она, Герда, так любила.

И который любил ее.

Милого? Теплового? Любил?..

Вопреки очевидному Герде хотелось схватить его в объятия, схватить против воли, целовать кривящиеся в усмешке бледные губы, целовать до крови и боли – лишь бы почувствовал себя живым... Лишь бы снова почувствовал себя Каем. А потом поняла, что он не хочет этого. Не хочет ничего. Снежная королева – не ведьма, не колдунья, не обманщица, не порождение мрака... Просто твоя собственная часть, темная и злая.

Снежная королева – это то, что ледяными цветами раскрывается в бесчувственных душах. Прорастают побеги-плети, пускают длинные, сильные корни в сердце, распускаются бутонами. Мертвыми. И приходит конец – всему. Теплу, свету, радости. И голубые, как весеннее небо, глаза ее Кая теперь колкие, словно льдинки, и холодные, словно снежок в руке... Такие же, как его застывшая душа.

В глазах Кая не было жизни. Был лед. Холод. Вечность.

Говорят, глаза – зеркало души...

Но сейчас Герда не хотела думать ни о чем. Где-то на краю ускользающего сознания теплилась мысль, что это страшный сон, и не было долгой дороги, вот сейчас она проснется, а рядом – бабушка, милая, улыбающаяся бабушка. И взгляд сияет, лучится – глаза-то хорошие-хорошие.

Герда смотрела по сторонам и у нее было чувство, что все

видится в кривом зеркале – реальность то меркла, то проявлялась четче, то искрилась, словно освещенная солнцем снежная равнина, то переливалась алмазными искрами, как раскрошенный лед... Герда шла, чувствуя, как мертвеет собственная душа. Еще немного – и не выйти отсюда... и что будет тогда? Может, она останется с Каем? Но он не тот, кого она любила – совсем не тот. Не получится ничего. Она просто умрет здесь, превратится в ледяную статую, но и тогда вряд ли станет достойным украшением дворца – она некрасива...

А в спину равнодушно-презрительный взгляд того, кого она, оказывается, совсем не знала... «Ты мне помешала... развела столько грязи... фу, Герда...» – жестокие слова больно отзывались в остывающем сердце. Глаза застилали слезы – острые, колючие. Они стекали по щекам и тут же схватывались льдом, прожигали болячие мерзлые дорожки.

Было уже почти и не холодно... никуда не хотелось идти... Но Герда почему-то шла, и ей казалось, что отполированная гладь вздыбилась под ногами и режет ступни – осколками, но нет... это просто воспоминания... Почему же так больно? Больно... не больно... больно... Герда опустилась на пол, закрыла глаза. В груди кольнуло еще раз... Наступила Вечность...

...«Ка-а-ай». Сердце тяжело качнулось внутри, не желая сдаваться. И снова пошло – «Кай, Кай, Кай», – с каждый глу-

хим ударом посылая кровь двигаться по замерзшему телу.

Усилием воли, непонятно откуда взявшейся, Герда поднялась. Вокруг действительно были осколки – льда? Или зеркал?

Проклятое стекло... в нем все беды... вернее, не в нем, а в том, что не каждый человек может сопротивляться тьме. Зеркало – всего лишь проверка... само по себе и не виновато. Но стоит разок кольнуть, и этого оказывается достаточно, чтобы зло навсегда пустило в тебе корни...

Герда протянула руку, взяла один из осколков и воткнула в ладонь. Со всей силы вонзила, не раздумывая. Кровь – красная, до омерзения красная на белой коже – потекла с руки на платье, окрашивая замерзшие льдинки на ткани в яркий цвет. Такого оттенка была оправа странных очков, которые в детстве носила Герда. С розоватыми стеклами, огромные, когда-то подаренные ей на день рождения. В них лицо казалось стрекозиным, а мир приобретал странный, милый оттенок. И хотелось улыбаться.

Герда смотрела на текущую кровь и торчащий из ладони кусок зеркала. Потом, совершенно без эмоций, выдернула его. И так, с осколком в руке, снова двинулась к выходу.

Страшное зрелище являла собой худая, изможденная женщина... да, Герда стала женщиной во время странствий, не год и не два она искала своего Кая... Странное и страшное зрелище. Льдом покрытые длинные волосы с застрявшими в них колючками репейника, спутанные, свисающие в бес-

порядке. Худые плечи едва прикрывает тонкая, почти ветхая ткань платья – она не скрывает проступающие косточки... острые лопатки, как недоразвитые крылышки... руки, как плети, босые грязные израненные ноги... и в кулаке зажат огромный, похожий на лезвие ножа, окровавленный кусок зеркала.

А в глазах – пусто.

Говорят, глаза – зеркало души...

Герда поднесла руку к лицу, потерла усталые веки. За чем-то попыталась пригладить кровящей ладонью волосы. Нестерпимо красный цвет сильно ударил по глазам. Больно смотреть. Слишком ярко. Слишком настоящая кровь, такая неестественная в этом сияющем царстве белого и серебряного.

Герда обернулась.

Обернулась и увидела, что Кай – ее Кай – тот, кого она так мечтала увидеть... нет... совсем незнакомый мужчина, с длинными светлыми волосами... или это снег запорошил... уходит... У него прямая спина и нет дрожи в ногах... и никаких сомнений в сердце.

И внезапно Герда поняла, что все было ничем иным, как путешествием к его душе – а в душе Кая холод, и ничего не изменишь... ведь она смотрела в его глаза – в них только лед...

Нельзя любить лед. Нет... можно. Но, стараясь растопить,

заболеешь сама. Или умрешь.

Герда умерла. В тот момент ей казалось именно так. Хотя у нее все снова болело – внутри и снаружи, и душа болела тоже – и удивительным образом это сочеталось с холодом, сковавшим ее.

Больно. Ужасно больно. Так больно, что уже и не больно ни капельки...

Вот и выход. Ледяная пустыня расстилается до самого горизонта.

Герда больше не обернулась.

Она шла невозможно долго. Замерзшая, почти неживая, упала у лачуги финки. Маленькая угрюмая женщина легко втащила худенькую Герду в дом, обогрела и накормила. И, пока Герда ела, все время пыталась заглянуть ей в глаза.

– Ты обошла полмира, – сказала финка. – Велика была твоя сила. Ты и сейчас еще сильна.

– Я? – слабо улыбнулась Герда.

– Да. Ты очень сильна. – Финка достала кожаный свиток и долго изучала. А когда оторвалась от него, произнесла: – Но... ты скоро умрешь.

– Я знаю, – спокойно ответила Герда. Она действительно это чувствовала. Только не знала, когда.

– Так жаль, так жаль... – сокрушенно вздыхала финка.

И в этот момент у Герды что-то лопнуло в голове. Да так, что боль пронзила ее полностью – от макушки до пяток. Гер-

да упала, крича от невыносимой муки. А когда стало чуть полегче, первое, что она увидела, – это внимательные, умные глаза склонившейся над ней старой финки.

И Герда стала видеть души. У этой женщины душа была светлая.

Назавтра финка собрала ее в дорогу.

А после долго-долго смотрела вслед.

Следующей Герду приютила лапландка. Она тоже накормила и обогрела путницу. Даже собрала в дорогу немного одежды и еды – столько, чтобы не умереть от холода и голода самой. Пока Герда спала, лапландка перебирала запасы и разговаривала с сушеной треской. А утром, провожая, сказала:

– Ах ты бедняжка! Ты скоро умрешь. Ты знаешь это?

– Знаю, – спокойно ответила Герда, с улыбкой глядя в светлые, прозрачные, чуть подслеповатые глаза старой женщины. Надо же, это так очевидно? Неужели настолько, что вот и лапландка, вслед за финкой, не задумываясь, сообщает о смерти так, словно говорит об обыденных вещах?.. Впрочем, размышлять обо всем этом недосуг. Надо идти.

Герда возвращалась как во сне. Больше всего на свете ей хотелось оказаться дома – и там, возле розовых кустов, которые, наверное, сейчас большие-большие, умереть. Увы, она не знала, сможет ли дойти до конца. Казалось, что вернуться

– это и есть смысл. А там – будь что будет...

Непостижимым образом по дороге обратно она, проходя через города и селенья, встречала только добрых людей. Они предлагали ей кров и еду, одежду и помощь. И ничего не просили взамен. Были и злые люди – у них были страшные глаза, если заглянуть, то можно увидеть, как на дне плещется темнота. Герда удивлялась про себя – как они не различают друг друга? Вот эта девушка, с чистым взглядом, мило заигрывает с парнем, в глазах которого отчетливо читается зло. А этот мужчина, несмотря на то, что страшен, как медведь, на самом деле добр, а его все боятся... Нет справедливости в мире. Впрочем, Герда ее не искала. Она просто шла.

И злые люди сторонились ее. А добрые делились теплом, лаской, любовью. Наверное, это было правильно – Герда много отдала им себя, тогда, когда искала Кая. Кому-то не жаль было последней монеты, кому-то пела всю ночь песню – чтоб не плакал младенец, и мать могла хоть немного поспать, за кого-то работала, кого-то выхаживала во время тяжелой болезни... И всегда отдавала чуточку души. А иногда и тело. Ведь порой вернуть к жизни может только близость – и пускай она поначалу нежеланна. Что еще сильнее может встряхнуть человека, даже если это происходит через сопротивление или боль?..

Герда никогда не думала о себе – только делала то, что должна. А сейчас люди помогали ей, но она не видела лиц. Зато безошибочно читала по глазам души.

Порой она ночевала в лесу – но волки, которых прежде приходилось отгонять, останавливались поодаль. Они выли, скулили, поджимали хвосты, смотрели голодными глазами – но не нападали.

В куске зеркала, выставленного, как нож или кинжал, Герда видела отражение своих глаз – в тот момент так похожих на страшные, голодные волчьи. А с обломком она не расставалась. Он не ломался, не тупился, не крошился. За долгую дорогу с ним не случилось ничего. Иногда женщина всматривалась в него в надежде разглядеть... Кая. Раскаявшегося Кая. Она знала, что зеркало не простое – но всегда видела там только свои глаза. Пустые и страшные. Наверное, такой сейчас была ее собственная душа.

Герда все время чувствовала голод. Его невозможно было утолить ни самой вкусной едой в лучшей таверне города, ни мясом с костра, которое она жарила, на удивление успешно охотясь на зайца или косулю, оставляя остатки туши волкам... ничем. И однажды Герда, которая стала быстра, как ветер, все тем же осколком зеркала убила молодого олененка. Из раны на шее хлынула кровь – горячая, красная, настоящая.

Герда не выдержала, приникла губами и пила, пила... просто хотелось согреться... а потом ее рвало, рвало тут же – и больше она ничего не могла есть. Тушу убитого животного

пришлось оставить падальщикам.

Женщина странно чувствовала себя – снаружи она была жива. Затянулись раны, перестали гноиться глаза, Герда даже немного поправилась, покруглела – недостатка в еде не было... все, отданное людям, возвращалось сторицей. Все, кроме тепла внутри. И Кая.

И ей было холодно. Ужасно холодно. Так, словно в душу налили жидкого льда, и он застыл там, и никак не растопить.

Она шла обратно, собирая в себя – в свое тело – все то, что отдала когда-то. А душу наполнить не могла. Она осталась там, во дворце Снежной королевы.

В его глазах. В глазах Кая.

...Наконец-то долгая дорога подходила к концу. На пути к родному городу оставался еще один. В этот город Герда пришла в канун Рождества.

Ярко горела, переливалась разноцветными огоньками елка на главной площади. Детвора с веселыми криками и смехом проносилась мимо, играя в снежки. Раскрасневшиеся от мороза, готовые скинуть с себя теплые курточки, дети дышали на замерзшие пальцы. И глаза у детишек были чистые-чистые.

В горячих ладошках таял снег.

...А в руках Герды снег не таял.

На этой же площади, в стороне от гуляющей толпы, сиде-

ла девочка. У нее были прекрасные белокурые волосы, которые падали на глаза, закрывая худенькое личико. Она сидела, нахохлившись, как птенок, выпавший из гнезда, который долго-долго пробовал взлететь и не смог. Даже платье и платок на ней были грязно-серого цвета – ни дать ни взять пичужка...

В руках у нее была пачка спичек.

Герда подошла ближе.

– Ты кто? – спросила она, приседая рядом.

– Амалия, – ответила девочка. – Меня зовут Амалия. А вас?

– Герда. А что ты тут делаешь?

– Прошу милостыню. Подайте... – дрогнувшим голосом произнесла Амалия и подняла лицо вверх. У Герды перехватило дыхание, она вскочила и отшатнулась, схватившись рукой за грудь. Впервые за то время, как вышла из дворца Снежной королевы, женщина почувствовала, что сердце у нее все-таки есть.

У девочки не было глаз.

Вернее, они были когда-то – но сейчас на их месте остались лишь зарубцевавшиеся раны, страшные, зашитые грубыми руками, которые в лучшем случае годились на то, чтобы валить лес да рубить дрова.

– Девочка... кто тебя так? – прошептала Герда, доставая монеты. Рука наткнулась на зеркало у пояса. Женщина от-

дала ребенку все, что у нее было, и сжала осколок в ладони. Зеркало порезало кожу, но Герда была этому рада.

– Отец, – светло улыбнулась Амалия.

Несмотря на то, что глаз у той попросту не было, Герда видела душу девочки – светлую, какой была ее собственная до того, как Кай покинул родной город.

– Почему?..

– Он сказал, что так будут больше подавать.

– А твоя мать?

– Она умерла, – снова улыбнулась Амалия.

– А почему ты улыбаешься? – Герде стало жутко. Чуть ли не впервые за последнее время в ее пустующую душу закрался страх. Улыбающаяся слепая девочка, так легко рассуждающая о смерти, пугала ее больше, чем голодные волки в ночном лесу.

– Потому что она на небесах. Так сказал папа. И ей там очень-очень хорошо. Тетя... ты тоже скоро умрешь, ты знаешь? Папа говорит, что на небесах – так хорошо... там все счастливы...

Внезапно Герда заплакала. Плакать было нестерпимо больно. У нее было такое чувство, что из глаз вместе со слезами вымываются осколки – осколки, возможно, попавшие туда во дворце Снежной королевы?

– Тебе же холодно тут, – пробормотала Герда. – Ты замерзнешь... уже ночь...

– У меня есть еще одна спичка, – лицо девочки озарилось внутренним светом.

– Одна... спичка?..

– Да, – в голосе ребенка прозвучало нечто, похожее на гордость. – Папа дал мне целую пачку, но я уже все сожгла... вот, смотри – одна осталась!

Герда стояла и плакала, давясь слезами, стараясь не напугать всхлипами маленького, но такого смелого ребенка, который не боится самой смерти. И свято верит, что на небесах – хорошо... и что единственная спичка может согреть в такую холодную ночь. Да что там – наверняка ей кажется, что одной спичкой можно обогреть весь белый свет... а ведь Амалия права. Одна спичка. Одна душа. Иногда она не может ничего. А иногда в состоянии перевернуть мир... жаль, ее душа, Герды, не смогла... не смогла ни-че-го...

Но, самое удивительное, Герда понимала, что Амалия любит отца. Любит несмотря на мучения, которые он ей принес! И Герда осознала: не зная в точности, что двигало мужчиной, когда он осмелился сделать это, осуждать его не имеет права...

Как и никого не имеет права осуждать. Даже Кая.

Теперь Герде стало ясно, зачем было *все*. Зачем она искала Кая, зачем нашла его, зачем взяла кусок зеркала из дворца Снежной королевы. Не задумываясь о том, откуда в ней та-

кая уверенность, Герда поняла, зачем прошла обратный путь и почему все были так добры к ней – и люди, и животные. Нет... не для того, чтобы выжить и вернуть Кая. И не для того, чтобы умереть у тех самых розовых кустов, которые сейчас, наверное, такие огромные. Герда поднесла к лицу осколок зеркала и на мгновение увидела в нем свои глаза – глаза той, прежней Герды, счастливой и улыбающейся. А потом... отражение глаз Кая. Тех, которые всегда любила – веселых, сияющих, теплых.

Она зажмурилась, старалась удержать волшебное видение. Ей казалось, что взгляд Кая из зеркала отпечатался на внутреннюю сторону века – и Герда, скинув шубку с плеча, с размаху вонзила осколок себе в сердце.

Охнув, даже не вскрикнув, она осела на замерзшую землю рядом с девочкой.

– Тетя? – с волнением произнесла Амалия, потянувшись в сторону Герды...

И распахнула зашитые веки.

Говорят, глаза – зеркало души...

На мир, замерший в ожидании Рождества, смотрели глаза Герды на милом детском личике. Если бы кто-нибудь заглянул в них внимательно, то увидел бы чистую-чистую, светлую душу, способную на все – даже на самопожертвование, которое так мало ценится и так редко встречается. Хотя

именно оно согревает белый свет, когда тот цепенеет, скованный магией ледяных сердец Снежных королев.

Амалия посмотрела на лежащую женщину, из груди которой торчал блестящий серебром осколок. С детским любопытством ребенок дотронулся до него – увы, девочка неоднократно видела смерть. Ей не было страшно.

Под горячими пальчиками зеркало оплавилось и растеклось, как сосулька под весенним солнцем.

Мертвая женщина была очень красива. Правда, под закрытыми веками застыли струйки крови, растекшиеся к вискам. Но это не портило ее. Нежное лицо, обрамленное чуть выющимися темными волосами, было на диво спокойное. Бледные губы сложились в подобие улыбки, казалось, что женщина просто спит – и снится ей что-то очень-очень хорошее.

Наверное, на небесах хорошо.

Амалия, с детской верой принявшая свои новые глаза, поцеловала Герду в холодные губы.

– Спасибо, тетенька, – прошептала она. – Когда я вырасту, я хочу быть такой, как ты. Я обязательно стану такой, как ты. И светло улыбнулась.

Где-то далеко-далеко, в холодном сверкающем льдом дворце охнул Кай, схватившись за сердце. Ему на мгновение показалось, что в грудь с размаху всадили длинную раска-

ленную иглу. И та проворачивается, жжет нестерпимо, наполняет огнем.

И внутри что-то плавится.

Часть третья

ДЕВУШКА С ГЛАЗАМИ ГЕРДЫ

Сердце охотника

– Тишшш, ну, тихо, тихо, – замерзшие пальцы легко касались серой шерсти. Девушка упрямо гладила по голове все еще пытающегося рычать волка.

Истоптанный снег был заляпан красным – угодивший в капкан серый долго мучился, стараясь освободиться. А когда не смог, попытался отгрызть собственную лапу.

Тогда она и нашла его. Окровавленная морда и страшный оскал не пугали девушку – ее не остановили и клацнувшие возле лица волчьих зубы, когда она наклонилась слишком близко. Длинные светлые волосы испачкались в кровь.

Девушка гладила зверя, и тот утихал, правда, теперь уже скулил, как раненая собака. А он и был просто собакой – большой, серой, очень-очень несчастной. И ему было больно. Ужасно.

Что это такое, она знала. Но боль не пугала. Ни своя, ни чужая. Чужой она не боялась – умела успокоить, унять. А

своей не чувствовала. Почти не чувствовала.

Просто помнила, что это такое.

Боль – это больно. Очень. И не только в месте раны. Больно... везде. Сам превращаешься в один острящийся комок, сам – боль, болишь, изнемогаешь, горишь весь – огромный, как мир, или, наоборот, маленький, сжавшийся до размеров кончика иглы – тонкая, едва воспринимаемая обезумевшим сознанием точка, в которой сосредоточилась, в которой пульсирует дикая, липкая, невообразимая боль. Ты – боль. А еще ты – страх.

Потому что с болью всегда приходит страх.

Она помнила.

Лет десять назад

...– Амалия, – ответила девочка. – Меня зовут Амалия.

– А что ты тут делаешь?

– Прошу милостыню. Подайте... – дрогнувшим голосом произнесла Амалия и подняла лицо вверх...

У девочки не было глаз.

Вернее, они были когда-то – но сейчас на их месте остались лишь зарубцевавшиеся раны, страшные, зашитые грубыми руками, которые в лучшем случае годились на то, чтобы валить лес да рубить дрова.

– Девочка... кто тебя так?

– Отец, – светло улыбнулась Амалия. – Он сказал, что так будут большие подавать.

– А твоя мать?

– Она умерла, – снова улыбнулась Амалия.

– А почему ты улыбаешься?

– Потому что она на небесах. Папа говорит, что на небесах – так хорошо... там все счастливы...

Девушка была странной. Да, она почти не чувствовала боли – с детства. И уж точно давным-давно не чувствовала страха. Когда знаешь, что такое настоящая боль, разве страшен – страх? Когда испытал настоящий страх, которому нет равных, разве больна боль?

Она помнила все. Знала все. Наверное, поэтому больше не боялась ни того, ни другого.

Мало кто вообще подошел бы к попавшему в капкан зверю. И уж точно никто не попытался бы разжать страшное железо, поймавшее серого.

Бок девушки кровил – задели зубы волка, когда она пыталась руками раскрыть ловушку-челюсти. Не вышло. Только поранилась, и кровь, смешавшись с кровью пленника, окрасила старое, а теперь еще и разорванное, платье.

Девушка улыбалась. Светло и спокойно.

Ночь опускалась, окутывая лес тишиной и холодом. Деревья отливали синевой, в молчаливом крике раскинув на полнеба руки. Мороз крепчал. Изредка хрустели покрытые льдом ветки, и колокольный звон зимы чудился в застывшем

воздухе.

Девушка устроилась возле волка удобнее, обняла за шею, не переставая гладить по голове, спине, смотреть в глаза и утешать, лаская. Понемногу зверь затих, положив голову ей на колени. Тогда она закрыла глаза и, обессиленная, задремала. Так их и нашел охотник. Обоих, почти замерзших, уснувших. Еще немного, и уснувших бы навсегда.

– Ах ты ж!.. – выругался он. Зрелище на самом деле поразило его. Его охота еще ни разу не приносила такой... добычи.

Девушка очнулась и посмотрела на охотника. Волк вздрогнул, вяло дернулся в сторону и заскулил – тонко и жалобно. А потом поднял голову и замер, не мигая глядя на человека.

Охотник смотрел в глаза то девушке, то волку, и видел в них нечто похожее. Что-то большое, непонятное ему. Не страх, нет. И не боль. Хотя и то, и другое читалось во взгляде зверя. Но было еще что-то. Ожидание неизбежного конца и в то же время – спокойствие? Если это только возможно. И еще – понимание?

Словно сама глубина мудрости мира смотрела на охотника, ожидая его решения.

Один вопрос на двоих. И один ответ на двоих.

– Отпусти его, – сказала незнакомка и улыбнулась. Светло и нежно. Окровавленная, замерзшая, иней на ресницах, и рядом страшный волк, прячущийся от возмездия в ее объ-

тиях – картина впечатляла. Охотник, выдавший многое, растерялся.

– Отпусти, – снова сказала девушка. Тихо, но твердо. – Тебе не нужна его смерть.

– Хорошо, – неожиданно для самого себя согласился охотник.

...Волк попытался встать на ноги, но не смог. Кость была раздроблена, сухожилия порваны, мышцы, побывавшие в зубах капкана и собственных, повреждены. Девушка поднялась и зашаталась.

Охотник едва успел подхватить ее.

– И что ж мне с вами делать?! – в сердцах воскликнул он.

Выбирать было не из чего. Полубесчувственная девушка оказалась очень легкой, невесомой. Как снежинка. «И в чем-то душа держится?» – подумал охотник и сам поразился нежности, с которой укладывал ее на сани и укрывал, чтобы согрелась. Рядом с ней зачем-то водрузил волка. Незнакомка очнулась, улыбнулась ему, охотнику, снова светло-светло, притянула волка к себе за шею и впала в забытие.

Лошадь храпела от страха и пыталась рвать поводья, а потом успокоилась. Странная церемония двинулась в сторону хижины охотника.

Прошло несколько недель.

Раны девушки – охотник узнал, что ее зовут Амалия, –

заживали быстро. Они не были глубокими, просто она потеряла много крови. А волк... волк тоже на удивление поправлялся легко. С перемотанной лапой, с наложенной на нее шиной он, хромя, ковылял за Амалией по пятам что добрый пес и все время вилял хвостом, заглядывая ей в глаза.

И даже – о, чудо! – вел себя по отношению к охотнику вполне дружелюбно. Сам охотник старался держаться от волка подальше. Поначалу сто раз пожалел о своей внезапной доброте и порывался пристрелить зверя, но его останавливала Амалия. Как по волшебству, девушка появлялась рядом именно в тот момент, когда он в ярости хотел схватиться за ружье, и вместо холода оружия его руки натыкались на мягкие ладони девушки. Она молчала, смотрела в глаза, не отпускала его рук... и гнев проходил, угасал, стихал, оставляя чувство свежести после грозы – так, когда заканчивается страшная черная буря, становится светлее, еще продолжается дождь... но на небе появляется радуга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.